

АЛЁНА ДАЛЬ



## БРАТ

РАССКАЗ ИЗ ЦИКЛА “ЛЮДИ”

Когда Женёк был маленький, Славка всегда защищал его от дворовых хулиганов. Помогал выводить двойки из дневника. Забирал с тренировок, когда мать задерживалась на работе, а однажды даже ходил вместо неё на родительское собрание. Все вокруг знали: у Женьки Смирнова есть старший брат, и если что — дело придётся иметь с ним. А иметь дело со старшим Смирновым никому не хотелось.

Шли годы. Разница в шесть лет, казавшаяся в детстве неодолимой пропастью, незаметно стёрлась. Оказалось, что со Славкой можно и выпить вместе, и обсудить фигуру Ирки Костровой из 9-Б, и посидеть во взрослой компании, где играли на деньги в карты и обсуждали серьёзные мужские дела.

Славка был умный. Щёлкал задачки по математике не хуже отличника Лосева, формулы на лету запоминал, в уме считал, как калькулятор. Но главное — имел нюх на деньги. Как-то раз он придумал многоходовую комбинацию обмена, в результате которой блок жвачки “Педро”, привезённый соседом Степаном Петровичем из дружественной Чехословакии, превратился в замшевую куртку со скользкой, как змея, молнией. За этот талант Славку уважали все, включая мать и Степана Петровича.

О Степане Петровиче следует сказать отдельно. Когда мать овдовела, — а случилось это в год Славкиного совершеннолетия — сосед молча взвалил

---

*ДАЛЬ Алёна Станиславовна родилась в Воронеже. Рассказы, эссе и путевые очерки Алены Даль публиковались в различных российских литературно-культурных журналах и газетах, в том числе “Русский переплет”, “Жить интересно!”, “Время культуры”, “Мысли” и др. Автор двух книг: “Хождение по Млечному пути” (2014) — повесть-странствие по Пути Святого Иакова и “Живые души” (2017) — роман-фантазмагория о современном обществе потребления.*

на себя все мужские обязанности по дому. Он и раньше был на подхвате — розетку починить, ножи поточить. Отец мотался по командировкам и не возражал против хозяйственной помощи соседа. В матери он не сомневался, а Степан Петрович был обязан ему жизнью. Однажды отец вытащил его из сизой мартовской полыньи, на себе притащил в дом, отпоил горячей водкой с перцем. Сам же от водки этой и помер раньше срока, оставив двух сыновей и недостроенную дачу в Курино.

Славка учился на четвёртом курсе, а Женька тянул кое-как девятый класс, когда случилась эта история. Мать о ней не знала, Степан Петрович может и догадывался, но молчал. Братья скупали лом золота на “пятак” возле вещевого рынка и продавали его зубному технику Мовсесяну с небольшим для себя барышом. На дворе стоял 95-й. Мать получала зарплату то колготками, то бульонными кубиками, а однажды ей выписали инкубатор для яиц, который она полгода не могла сбыть, пока не нашёлся новоявленный фермер из числа бывших коллег по конструкторскому отделу.

— Братъ деньги у матери не по-мужски, — наставлял Славка младшего брата, — а на кармане у настоящего мужика всегда должно что-то шуршать.

Деньги ходили тогда миллионами, за покупками шли с брикетами купюр, перетянутыми резинками. В этой финансовой сумятице при феноменальном Славкином чутье дела братьев Смирновых пошли в гору. Мовсесян свои обязательства выполнял чётко, недостатка в желающих продать золото не было. Не сумевшие “перестроиться” на рыночный лад сограждане несли самое дорогое — бабкины серёжки, дедовы коронки и даже обручальные кольца. Но это редко, только по крайней нужде.

Крайняя нужда настигла Толика из первого подъезда. Шинный завод, где тот работал вулканизаторщиком, встал, жена сбежала за заезжим коммерсантом в Польшу. Сам он перебивался случайными заработками, которых катастрофически не хватало. Толик запил. А спустя месяц пришёл на “пятак”, помятый и несвежий, сжимая в руке с незагорелой вмятиной на безымянном пальце кольцо.

К тому времени дорожку к братьям Смирновым протоптали карманники, промышленявшие здесь же, на рынке. Пользуясь толчеей и покупательским возбуждением, охватывающим людей при столкновении с непривычным изобилием, они ловко скусывали с их шей цепочки, орудя специальными щипчиками вроде маникюрных. Братья догадывались о происхождении рваных цепочек, но их это не смущало — лом есть лом.

Однажды в светлую голову Славки пришла гениальная мысль: расширить дело и привлечь в свои ряды Толика — пусть не клянчит, а зарабатывает сам. Брат организовал отдельную ветку по скупке сомнительного золота и поставил Толика главным, назвав для пущей важности коммерческим директором. На “пятак” стали приносить не только разорванные цепочки с рышка, но и другие украшения. Толик раздал долги, отпустил пышные усы под Боярского и купил толстенную, нестерпимо сияющую цепь, подчёркивающую его новый статус.

Выручка росла. По вечерам Женька помогал брату сортировать купюры, впитывая одновременно уроки жизни и бытовой мудрости. После каждого расчёта младший получал свою долю, которая вмиг делала его героем двора и властелином девичьих сердец. Не только Ирка Кострова, но и другие девчонки стали заглядываться на него с нескрываемым интересом. Да и как иначе, если все соблазны — от ликёра “Амаретто” до настоящего Диора в хрустящем целлофане — были доступны Женьке Смирнову.

Всё сломалось в одночасье. В тот день Женёк в школу не пошёл. Собираясь на “пятак”, обмотал шею модным полосатым шарфом, забежал за сигаретами и поспешил за братом. Но вместо деловито снующих людей увидел окаменевшую толпу. Бледный Толик с запёкшейся на губе кровью лежал щекой вниз на капоте милицейской машины. С другой стороны в такой же позе лежал мужик в чёрной куртке поверх тугой спины. Сирена смолкла, но голубой фонарь продолжал вращаться, чиркая по лицам зевак. Славка говорил о чём-то с бесцветным мужиком в штатском. Заметив краем глаза брата, махнул рукой в сторону обувных рядов — то был условный знак, обозначающий:

“иди мимо, я тебя не знаю”. Женька поспешно свернул в сторону. Сердце дёрнулось и ухнуло в пустоту. Он размотал шарф, вытер мокрый лоб. Спрятался за выступ палатки, схватил первый попавшийся ботинок и, сделав вид, что рассматривает строчку, стал наблюдать за происходящим. Через некоторое время, Славка подписал какие-то бумаги и вышел за ворота рынка. Женька окружным путём бросился в погоню. Воздух обжигал горло, полосатый шарф кусал шею.

— Что случилось? — выдохнул он, нагнав брата возле гаражей.

— А-а-а, ничего особенного. — Славка беспечно сплюнул под ноги. — Толян влетел. — Он пристально посмотрел в глаза младшего брата.

— Значит, и за нами скоро придут? — испуганно пробормотал тот.

Он вмиг представил кобуру, лицо матери, валидол, наручники.

— Не ссы, за нами не придут! — старший Смирнов отечески поправил на младшем шарф. — Разве что свидетельские показания снять. Но я тебе объясню, кому и что говорить. И чего не говорить.

— Как это — не придут? — не поверил Женька.

— Так это, — терпеливо объяснил брат. — Мовсесяна я уже предупредил. Всё схвачено.

— А Толик?

— Что Толик? Толику придётся сесть. Он знал, на что шёл. — Славка не спеша закурил. — Но одному всегда меньше срок дают, чем группе. Так что я для него же стараюсь. Он, дурак, пока не понимает этого, но скоро поймёт. У тебя-то мозги, надеюсь, на месте? — Он выпустил изо рта струю дыма и прищурился на брата так, словно и впрямь усомнился.

— На месте! — поспешно заверил Женька, но отчётливо ощутил, что врёт.

В голове всё смешалось: синяя мигалка, распластанный на капоте Толик, спокойствие Славки, тугие брикеты от Мовсесяна, грудь Ирки Костровой под тонкой водолазкой, шумные компании, приятное осознание достатка и правоты. Когда мешанина, наконец, улеглась, безоговорочное доверие к старшему брату накатило с новой силой, отгеснив прочь все сомнения. Он взрослый. Он сильный. Он умный. Он знает, что нужно делать. Мать всегда ставила Славку в пример — ведь это он освободил её от нужды торговать колготками и бульонными кубиками. Это брат научил его, Женьку, вести правильные разговоры с серьёзными людьми. Он соединил их с Ирккой, не было бы денег — не было бы Ирки. Год назад она даже не смотрела в его сторону! Всё, что он сейчас имел и умел, — только благодаря брату. “Да, мозги у меня, слава Богу, на месте!” — успокоился Женька, прикурил у Славки сигарету, и братья плечом к плечу зашагали домой.

Суд прошёл быстро. Женька с содроганием вспоминал тот день — как он, вспотев от напряжения, произносил заученные фразы, как предательски дрожал его голос. Как старался избежать он затравленного взгляда Толика, который так ничего и не понял. Как один раз всё же пересёкся с ним глазами, и что прочёл он в этом взгляде. Последнее слово Толик промямлил себе под нос, часто моргая и хлюпая носом. Усов на нём не было. Нанятый Славкой адвокат произнёс спич, и Толику дали всего год (а могли бы все пять, как уверял брат). Глуховатая Толикова мать ничего не поняла и продолжала тихо улыбаться, кивая товарищам сына, адвокату и судье.

Когда всё кончилось, Славка залёг на дно — прекратил сбор лома и всяческие сношения с Мовсесяном. Тут и выпуск в университете подоспел. Красный диплом сына вознёс его в глазах матери на недостижимый пьедестал. Степан Петрович долго тряс Славкину руку, после чего, волнуясь, как юнец, спросил разрешения на брак с матерью. Получив добро, взялся энергично достраивать заброшенную дачу в Курино — сделал мансарду, облицевал фасад, настелил террасу из яхтовой лиственницы. Всё сам. Только материалы Славка оплачивал.

Вскоре старший брат женился и сам на тихой, невзрачной Оле из соседнего дома. А спустя месяц молодая семья уехала в Болгарию, к Олиной тётке. Оттуда перебрались в Испанию, Славка занялся вином. Женька тем временем поступил в политехнический институт и открыл ларёк возле Гоголевского сквера. Ему тоже хотелось заслужить восхищение матери и уважение

Степана Петровича. Доказать, что и он может зарабатывать деньги не хуже Славки, что уроки старшего брата не прошли даром. Стало кое-что получать-ся. Не так легко и феерично, как у Славки, но вполне себе.

Ларёк проработал меньше года — городские власти надумали строить торговый центр и киоски снесли. После ларька завелась пиццерия. Потом автомойка. Одно время Женька гонял автомобили из Германии. Купил себе крутую тачку, нафаршировал Hi-Fi аппаратурой, да и разбил досадно в ночном стритрейсинге. Влез в сельхозрынок, занялся зерном. Поднял бабки, но был вытеснен Кабанчиком — не сумел без Славки договориться о процентах. Бросил зерно, открыл пункт приёма цветных металлов. Не золото, конечно, но деньги пошли. Взял кредит на расширение. Просчитался. Чтобы вернуть деньги банку, вспомнил карточные игры. Отыграл долг, но бес попутал — не остановился вовремя. Устроился в коммерческий отдел ООО “Лазурь”, но работать “на дядю” не смог. Для полёта мысли требовалась свобода. Еле высидел, чтобы только отдать долги. Как ни крути, Женьке не хватало прозорливости брата, его острого ума и бытовой смекалки. А потому все его проекты были как бы половинчатыми, сырыми, недодуманными. К тому же Славке всегда везло, а ему — через раз. Женька тосковал по тучным временам, когда мог сорить деньгами и всегда чувствовал за спиной твёрдую опору в лице старшего брата. И немного обижался, что тот не зовёт его к себе в Испанию.

Каждый раз, проходя мимо первого подъезда, Женька ощущал неприятный холодок меж лопаток, хотя причин тому не было. Толика освободили досрочно, и они даже как-то выпивали вместе, вспоминая “пятак”. Женька попытался было объяснить ему давний Славкин замысел относительно сроков, но Толик не стал слушать — ушёл, не допив рюмки, бросив напоследок: “Из ума шит твой братец!”. С тех пор не виделись.

...Быстро и незаметно пролетели годы. Сменилось тысячелетие. Многие изменилось и в стране, и в семье Смирновых. Славка вернулся в Россию. В Испании остались вилла на Коста-Бланка и налаженный винный бизнес. С ним приехали беременная мальчиком жена и шестилетняя дочь Сонька, которой пора было идти в школу. Женька встречал их в Шереметьево. Волоча громыхающие чемоданы на колёсах, ероша льянные волосы незнакомой девочки — своей племянницы, он с волнением предвкушал новый виток совместных с братом дел. Вот только возьмёт ли его Славка?

Покончив с насущным — определив дочь в элитную гимназию, а жену — в перинатальный центр, удовлетворив любопытство матери и мелкие просьбы Степана Петровича, Славка позвал Женьку в гости.

Пыльный июль дышал кастильским зноем. Лишь к вечеру жара спала, и город вздохнул облегчённо и обречённо — его ждала короткая ночная передышка, а после — снова пекло. Братья сидели в комнате окнами в пол с видом на застывшую, словно жидкая магма, реку. Пили вино, закусывали хамоном, крупными, в сливу величиной маслинами. Вспоминали общих знакомых. Женька подробно и обстоятельно отвечал на расспросы Славки касательно полученного самостоятельно, в его отсутствие опыта. И так выходило, что хвастаться ему было особо нечем — всё по верхам и не до конца. Деньги водились, но с переменным успехом — то пусто, то густо. Единственной константой в его жизни была Ирка Кострова. Они так и не расписались, хотя давно жили вместе, в её уютной квартирке, втроем с котом Феликсом. Ирка хотела детей, а Женька свободы. В остальном их желания совпадали.

Отставив пустую бутылку на пол, Славка подошёл к винному стеллажу в глубине комнаты и задумчиво провёл пальцем по тёмному дереву.

— Знаешь, что это? — спросил он, вынимая из ячейки бутылку с невзрачной, будто выцветшей этикеткой.

— Вино, — без энтузиазма отозвался Женька.

— Ясное дело, вино! Но какое?

— Слав, ну, что ты спрашиваешь? Лучше тебя про вина никто не расскажет, так что давай — просвещай! Хотя по мне лучшее вино — виски.

— Это Риоха Альта Гран Резерва, — брат держал бутылку с благоговением, как неумелый отец младенца. — Очень редкое вино, производится примерно раз в пять лет, только когда климатические условия подходят для

нужного вызревания ягоды. Технология сложная — не буду грузить тебя подробностями. Зато одна такая бутылка стоит как ящик стандартной поставки. И как три пузыря вискаря. Чужь?

— К чему ты всё это говоришь?

— А может, я хочу тебя в свой бизнес позвать! — старший брат цепко глянул на младшего и решительно распечатал драгоценную бутылку. — Ну что, будем пробовать?

Вино оказалось терпким и горьковатым. Ягодные ноты, которые так расхваливал Славка, заглушались дымным привкусом, тоскливым и тревожным. Но огорчать брата Женьке не хотелось, и он кивал головой и поддакивал с видом заправского сомелье. Лёгкий хмель приятно расслабил тело. В окне косматилось солнце, цепляя багровую магму воды.

— Ладно, брат, признавайся: скучал по серьёзным делам? — Славка самодовольно развалился в кресле с бокалом риохи. — Вот слушаю я тебя — мелко ты плаваешь, Женьк! Не хватает тебе размаха. Смелости не хватает. Стратегического мышления.

Женька вскипел обидой, но лишь на миг — многое из того, что говорил брат, было чистой правдой. Но теперь они снова вместе.

— Пора, наконец, работать по-крупному, — продолжал напутствовать Славка. — Есть идея! Лучшая из всех, что я когда-либо придумал.

Он теснее придвинулся к брату и вкратце рассказал предысторию.

В Мадриде старший Смирнов случайно встретил Лёшку Лосева (того самого отличника, с которым в классе по математике были ровней). Лосев, как и Славка, окончил финансово-экономический факультет, работает сейчас со-директором в крупном продовольственном холдинге, а недавно стал ещё и его совладельцем. В Испанию приехал присмотреть недвижимость для летнего отдыха.

Сели обедать. И как это водится при встрече однокашников, которые не видались с выпускного, но ревностно следили за успехами другого через общих знакомых, принялись бравировать друг перед другом достижениями: Славка хвалился площадью винных погребов, Лёшка — числом филиалов, Славка европейскими медалями, Лёшка — ростом прибыли, Славка виллой на Коста-Бланка, Лёшка — домом на Николиной горе. Во время десерта договорились поработать по вину.

Славка приехал в Москву на переговоры и застрял там на полмесяца. Но сотрудничества не получилось: слишком давил по ценам Лосев, да и объёмы были не те, чтобы всерьёз заинтересовать холдинг. Но зато... брату удалось собрать компромат на деятельность компании "Product&Drink" и лично Алексея Лосева. Славка довольно быстро понял, что контракта не будет, но медлил, затягивал время, будто бы раздумывая над условиями. Его не торопили. Он запросил избыточное множество документов. Запросил очень умно и ловко. Изучал, сопоставлял цифры, делал выводы. И копии. Кроме того, завёл дружбу с увядшей экономисткой из отдела поставок. Но главное — вызнал пароль на компе Лосева и скачал несколько ценных файлов, пока тот любезничал по телефону с поставщиком. Они-то, эти файлы, и пригодились при разработке проекта. Расстались с Лосевым сухо, но без претензий.

Женька замер с недопитым бокалом в руке.

— Так ты хочешь сказать...

— Не перебивай старших! — жёстко пресёк его брат. — Дослушай. Итак, суть проекта: продать контракт на поставку вина с обязательством неразглашения имеющейся у меня закрытой информации. А теперь вопросы.

— Ты хочешь сказать, Лёшка клонет на шантаж? Купит вино на твоих условиях?

— Фу, как ты примитивен, Женьк! — поморщился брат. — Шантаж — это когда любовница внебрачных детей предъявляет. — Славка навис над Женькиным ухом. — Ты пойми, Лосев может лишиться всего — доли, должности, возможно и... чего-то большего, — он многозначительно понизил голос. — Ему есть что терять. И он никогда не захочет потерять это, — брат поставил пустой бокал на край стола. — Да, и самое главное: поставки не будет.

— Как не будет? — поперхнулся Женька. — За что же тогда заплатит Лосев?

— За молчание.

Траурная тишина окутала комнату. Только шорох кондиционера оживлял пространство вкрадчивым шёпотом.

— Слав, а ты уверен, что всё получится так, как ты задумал? — заговорил, наконец, Женька.

— Более чем, — брат ждал этого вопроса. — Я всё продумал до мелочей. Здесь откроем представительство, пару сделок проведём через него. После обналички — закроем. Юридически не подкopaешься. И потом, ты же знаешь, как я разбираюсь в людях, — Славка улыбнулся и ткнул Женьку в лоб ладонью так, как делал это в школе после выведенной из дневника двойки. — Вот, взгляни, — он протянул брату испещрённый цифрами и стрелками листок, — план действий. Я придумываю — ты выполняешь. Строго по плану, без самостоятельности. Согласен?

Предложение казалось заманчивым и неуязвимым. Стройный план, вычерченный рукой старшего брата, внушал уверенность и оптимизм.

— Какова цена вопроса? — задиристо спросил Женька и покраснел.

— Молодец! Правильные вопросы задаёшь, — похвалил его Славка. — Будешь получать директорскую зарплату в тысячу баксов, плюс треть от суммы контракта по завершении проекта.

— Когда приступать?

— Считай, уже приступил. Завтра подпишешь документы — и вперёд!

Много раз, оглядываясь потом назад, вспоминал он тот душный июльский вечер, тревожный вкус вина, стекающее в магму реки светило. Вновь и вновь прокручивал в голове разговор с братом. План казался безупречным. Славка предусмотрел всё: финансовую схему, правовую базу, распределение ролей и возможные сценарии... всё, кроме одного — того дерьма, в котором оказался теперь его младший брат. И у него не было инструкции, как вести себя дальше.

Сцепив пальцы, Женька сидел на топчане, крытом замызганным одеялом. Он вляпался по уши. Угодил в западню, искусно расставленную Лосевым, — тот оказался хитрее брата. Начала дня он не помнил — стёрлось из памяти. Но хорошо помнил финал — людей в камуфляже на пороге банка, женский визг, хруст стекла. Истошный Славкин вопль в ухо: “Слышишь? Выкинь сейчас же телефон! Сломай! Разбей! Ничего не говори без адвоката!” — и сверлящие барабанную перепонку короткие гудки. Женька послушно, на автомате отправил смартфон в аквариум за спиной — никто не заметил. И остался один на один с толпой людей, ворохом бумаг, с обрушившимся на него одиночеством, глухонемым, как утонувший телефон. Все подробности вроде отпечатков пальцев, меченых купюр и подписанных велепую документов казались мелкой рябью над глубиной понимания: это конец. Его отвезли в СИЗО, где он провёл бессонную, полную голосов и криков ночь.

Наутро пришёл адвокат, оформил бумаги, и Женьку отпустили под подписку. Он был так вымотан, что не запомнил ни лица своего защитника, ни его имени, ни слов, что тот говорил на лестнице. Вокруг сновали люди, обтекая их говорливыми ручьями. Пахло жжёной листвой. Лоснящийся портфель с потемневшей ручкой и беззвучная артикуляция подвижного румяного рта — это всё, что он помнил об адвокате.

К Ирке Женька не пошёл, вернулся в родительский дом. Мать со Степаном Петровичем жили в Курино и ничего не знали. Он вымылся, переоделся, заварил себе чаю и стал набирать с домашнего телефона Славку. Тот не отвечал. Женька толкнул плечом дверь в их комнату — два письменных стола по-прежнему стояли возле окна буквой “Г” — Славкин крапчатый, жёлтый и вишнёвый Женькин. На Славкином стоял перетянутый по экватору изолентой глобус, на Женькином — кубок за второе место в городском турнире по бокеу. Славкина стена была сплошь увешана грамотами и похвальными листами, на Женькиной теснились выцветшие плакаты Led Zeppelin и Pink Floyd. За окном накрапывал дождь. Женька лёг на кровать поверх сбитого покрывала, свернулся, как в детстве, калачиком и провалился в сон. Ему снился гулкий

двор, красный велосипед и голос брата, обращённый к невидимому из-за его спины обидчику: “Ещё раз тронешь — зубов не досчитаешься!”

Поздно вечером Славка явился сам, без звонка и предупреждения. Молча вошёл в дом, осмотрелся, потрепал Женьку по плечу. Сели на кухне, закурили.

— Вольский, красавец, ловко тебя выпутал, — после долгого молчания произнёс брат, щурясь от дыма.

— Вольский?

— Ну да. Борис Ильич Вольский, твой адвокат. Вы разве ещё не знакомы? Задаток я ему уже отдал. — Славка затушил в пепельнице сигарету и прикурил новую.

Младший Смирнов вспомнил утро. Камеру. Тесноту и смрад людского зверинца. Юркою дядьку с портфелем и румяным, словно после горячих щей, ртом. Разговор на лестнице. Значит, это и есть Вольский. Искусный фокусник, вернувший его из чёрного ящика СИЗО обратно в мир людей. Надолго ли?

— Слав, я не хочу садиться. — Женька упёрся взглядом в синие клетки скатерти.

— И я не хочу, чтобы ты сел. Я вытащу тебя! — Славка хлопнул брата по плечу, кривясь улыбкой. — Вольский — он самый крутой в городе адвокат. Я и других подключу. Всех, кого надо, на уши поставлю. Только...

— Что только?

— Только я смогу сделать это, если буду на свободе.

— Ты и так на свободе.

— Сейчас да. Но следовательно будет гнуть тебя на групповое. Им это выгодно. — Славка мял в пальцах незажжённую сигарету. — Тебя уже допрашивали? Спрашивали о сообщниках?

— Спрашивали.

— И что ты ответил? — Сигарета сплюсцилась и застыла.

— Ничего. Ты ведь сказал: без адвоката молчать.

— Молодец, Женька! — обрадовался брат. — Я в тебе не сомневался. Мозги на месте! — Им овладело деятельное оживание. — Вольский — это уникал! Он гонорар свой космический не просто так берёт — ни одного проигрыша! Надо его слушать, что скажет — то и делать. Все расходы я беру на себя.

Женька безучастно смотрел в ночную тьму за окном.

— Телефон твой где? — переменял тему Славка.

— В аквариум выбросил. Там, в банке.

— Ух, молоток! Горжусь! Завтра же вытащим. Кабанчика попрошу, пусть людей своих пошлёт. На тебе пока этот, — он сунул в Женькину руку один из своих старых телефонов.

Старший Смирнов открыл блокнот и что-то стал набрасывать туда тонкой авторучкой, раскидывая по стенам зайчики. Лицо его было сосредоточенным и волевым.

— Славка, скажи мне, только честно: ты со мной, как с Толиком, хочешь? — Женькин голос дрогнул.

Старший брат замер. Блестящая ручка повисла над белым листом.

— Что ты такое говоришь? — он встряхнул Женьку и прижал к плечу его неподатливую голову. — Толик — он дурак, как был им, так и остался. Ты — другое дело, у тебя мозги на месте. — Славка приглаживал ладонью волосы брата. — Групповуха — это по восемь лет каждому, а так — три года максимум. Вольский напряжётся и сделает условный. Таков был уговор. Ты не сядешь, слышишь? Я тебе гарантирую.

— А если... — отпрянул Женька, — если я не соглашусь?

Славка побледнел. Ясные глаза его подёрнулись мутью, губы задрожали. Авторучка криво покатилась на пол и щёлкнула о кафель.

— Я тебе раньше не говорил. У Ольги большие проблемы с беременностью. — Он сгорбился и застыл. — Сама не родит. Нужна операция. Ещё и сердце слабое. Если узнает... Я ей ничего не говорил. — Он с мольбой посмотрел на брата. — И Сонька... ей осенью в первый класс идти.

Женька отвёл глаза. Впервые в жизни ему было жалко и противно смотреть на Славку. Как же так?! Он же старший! Он сильный. Он умный...

— А у меня Ирка, — глухо напомнил Женька.

— Да, знаю.

— Что будет с ней?

— Я позабочусь о вас обоих. — В глазах старшего брата царило смятение, высокий лоб покрылся испариной. — Когда всё закончится, можете ехать на Коста-Бланка и жить там сколько захотите. Дом в вашем распоряжении.

Славка расстегнул ворот рубашки. Бледность ушла, лицо его пылало. Он вытащил из нагрудного кармана пузырьёк, вытряс на ладонь белую горошину и отправил её в рот.

— Давление скачет, — пожаловался слезливо. — Это только в молодости шесть лет ерунда. Мне ведь, Жень, скоро пятый десяток...

Женька окинул брата беспристрастным взглядом и увидел то, чего раньше не замечал: седеющие виски, мелко подрагивающий уголок глаза, тёмные круги пота на рубашке. Славка постарел. Шесть лет разницы снова стали ощутимыми, как тогда, в детстве.

— Поклянись, что я не попаду в тюрьму! — Женька смотрел на брата в упор, сквозь прищуренные обиды, разочарования и злости. — Сонькой поклянись, пацаном своим будущим!

— Клянусь, — покорно отозвался Славка. — Только не топи меня, брат, а то оба на дно пойдём.

Рассвело. Братья сидели за столом, словно чужие, избегая касаться друг друга рукавом или взглядом. Пепельница шерилась окурками. Чайник давно остыл. Молчание, дошедшее до краёв ночи, обуглилось и окаменело. Им больше нечего было сказать друг другу.

...В замочной скважине загремел ключ, отдавшись эхом в бледной, продрогшей за ночь комнате. Заскрежетали засовы, распахнулся волчок.

— Смирнов, письмо! — гаркнул голос за дверью, мятый конверт с заклеенным скотчем разрезом лёг на подставку.

Женька нехотя поднялся, забрал письмо и, разорвав конверт, устроился под освещённым квадратом зарешеченного окна.

“Женечка, родной, здравствуй! — писала Ирка. — Как ты? Вольский сказал, что терпеть осталось недолго, апелляция уже в Верховном суде. Говорит, это недоразумение, что тебя посадили, и скоро он всё уладит. Так что крепись, любимый! Маме твоей значительно лучше. Петрович не отходит от неё ни на шаг. А когда в аптеку или за продуктами надо — меня зовёт. Я тут однажды суп сварила, пока Петрович по магазинам бегал, так она расплакалась и дочкой стала называть меня с тех пор. Слава звонил из Германии. Оля всё ещё в клинике. Без изменений. Соне наняли частных русских учителей. Она молодец, уже на трёх языках шпарит, и к математике большие способности. Деньги твой брат переводит каждый месяц на карточку, но я их не трачу. Пока своих хватает. Вот вернёшься и решишь сам, что с ними делать. Если честно, мне не хочется их брать. Но это твоё дело. Видела на днях Толика из первого подъезда. Передаёт тебе привет. Он приезжал на две недели в отпуск, мать проведать и теперь снова в Мончегорск. Феликс к зиме растолстел, как обычно. Я от него не отстаю — набрала 5 кг, врачаха ругается. Так и живём втроём — Феликс, я и пузожитель. Очень ждём тебя, Женечка! Особенно я жду и буду ждать, сколько потребуется. И малыша нашего жду. А ты? Пиши о себе всё, что хочешь, а я не мастерица писать письма. Лучше при встрече скажу. Помнишь, в девятом классе после дискотеки ты провожал меня домой? Помнишь, что спросил тогда, и что я тебе ответила? Я помню. Только дурой была. Мне всегда нужен был ты, а не твои подарки. Только ты! Сейчас поняла, что надо было о другом просить. Прости, если глупости говорю. Беременным это позволительно. Целую и обнимаю тебя. Твоя Ира К.”

Женька прикрыл глаза и жадно принохался к маленькому, выдранному из школьной тетрадки листку, хранящему миндальный запах Иркиных рук. Вытянулся до хруста на суровых складках казённого одеяла и понял, что необъяснимо и безгранично счастлив.